

УДК 327.327.3

ИНИЦИАТИВА «ГЛОБАЛЬНЫЙ НОЛЬ» И США

© 2011 г. **Т.Б. Аничкина***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье анализируется история и современный этап развития многосторонней инициативы «Глобальный ноль», направленной на всеобщее ядерное разоружение. Центральное место в работе занимает роль Соединённых Штатов в официальной поддержке и практической реализации целей инициативы. Перспективы глобального ядерного разоружения рассматриваются в широком контексте региональных конфликтов и проблем международной безопасности.

Ключевые слова: ядерная политика США, ядерное разоружение, инициатива «Глобальный ноль».

Инициатива «Глобальный ноль»: истoki и развитие

«Глобальный ноль» (*Global Zero*) – термин, который употребляется в литературе, посвященной разоружению и контролю над вооружениями, и который означает уничтожение систем вооружений, особенно всего ядерного оружия или его отдельных видов, в мировом масштабе. Так, в ходе переговоров о заключении Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (1987 г.) обе стороны согласились на вариант «глобального ноля» в том, что касается носителей ядерного оружия средней и меньшей дальности, тем самым положив конец производству, испытаниям и развёртыванию баллистических и крылатых ракет наземного базирования дальностью от 1000 до 5500 км и от 500 до 1000 км. Это предложение радикально отличалось от всех других, которые предусматривали лишь ограничения на использование вышеуказанных носителей на территории Европы.

Истоки возникновения идеи «глобального ноля» в значении полного окончательного верифицируемого уничтожения ядерного оружия на Земле можно отнести к моменту создания первых ядерных бомб. На протяжении всего периода «холодной войны» со стороны ряда учёных и общественных деятелей раздавались призывы, подобные зафиксированному в «Манифесте Рассела – Эйнштейна» 1955 г.: «В связи с тем, что в будущей мировой войне будет непременно использовано ядерное оружие и поскольку это оружие угрожает

* АНИЧКИНА Татьяна Борисовна – младший научный сотрудник Центра военно-стратегических исследований ИСКРАН. E-mail: anichkinat@gmail.com

существованию рода человеческого, мы настаиваем, чтобы правительства всех стран поняли и публично заявили, что споры между государствами не могут быть разрешены в результате развязывания мировой войны» [20]. Манифест, а также Декларация Майнау (1955 г.) привели к образованию межнациональной инициативы учёных против ядерной войны, которая в 1957 г. получила организационное оформление в виде Пагуошской конференции по науке и международным отношениям, более известной как Пагуошское движение.

Однако, учитывая центральную роль ядерных арсеналов в концепции взаимного ядерного сдерживания, на которой покоились – как формально, так и имплицитно – доктрины национальной безопасности ведущих государств мира, главы последних не торопились публично высказываться в поддержку идеи «глобального нуля».

Лишь в 1985 г. советский лидер Михаил Горбачёв и президент США Рональд Рейган выступили в Женеве с совместным заявлением, в котором продекларировали, что «ядерную войну невозможно выиграть и её ведение недопустимо» [12, р. 64]. Сам Рейган считал ядерное оружие «абсолютно иррациональным, совершенно бесчеловечным, непригодным ни к чему кроме убийства и потенциально разрушительным для жизни на Земле и человеческой цивилизации» [10].

Выступая на Генеральной Ассамблее ООН в 1988 г. премьер-министр Индии Раджив Ганди представил свой план действий, направленный на уничтожение ядерного оружия, война с применением которого, по его словам, «означает конец жизни, такой, какой мы её знаем, на планете Земля» [6].

С завершением «холодной войны» призывы к «глобальному нулю» стали раздаваться всё громче, причём не только со стороны мировой общественности. В 1996 г. генерал Ли Батлер, бывший командующий стратегическими ядерными силами США, заявил, что он «впервые видит перспективу для восстановления мира, свободного от апокалипсической ядерной угрозы. Мир, избавленный от ядерной угрозы, – это неизбежно мир без ядерного оружия» [4]. В 1998 г. было обнародовано совместное обращение 63 бывших военных из Индии, Пакистана и Бангладеш, в котором говорилось: «Мы убеждены, что ядерное оружие должно быть изгнано из региона Южной Азии, и более того, со всего земного шара» [15, р. 407–408].

На рубеже веков идея полного ядерного разоружения приобрела популярность и среди политиков самого высокого уровня. В 1999 г. президент Китая Цзян Цзэмин заявил: «Не существует причин, препятствующих всестороннему запрещению и полному уничтожению ядерного оружия. Для достижения этой цели не требуется ничего, кроме политической воли» [21]. В 2001 г. Беназир Бхутто, бывшая в своё время премьер-министром Пакистана, заявила: «Мы в долгу перед нашими детьми: мы должны построить мир, свободный от угрозы всеобщего ядерного уничтожения» [2].

В декабре 2008 г. при поддержке более чем 100 гражданских, военных и политических деятелей была запущена международная инициатива «Глобальный ноль», целью которой является поэтапное изъятие из арсеналов и последующее проверяемое уничтожение всех ядерных запасов, находящихся в распоряжении официальных и неофициальных членов «ядерного клуба». Более

90 участников этой инициативы подписали открытое письмо президентам США и России накануне встречи последних в апреле 2009 г., в котором убеждали Б. Обаму и Д. Медведева взять на себя обязательства по уничтожению ядерного оружия.

Однако планы группы простираются значительно дальше дня сегодняшнего: согласно графику, разработанному участниками инициативы, конечная цель «Глобального ноля» должна быть достигнута к 2030 г. Первая фаза четырёхступенчатого плана начинается с соглашения между Соединёнными Штатами и Россией о сокращении каждой из сторон ядерных арсеналов до 1 тыс. ядерных боеголовок, а к 2021 г. Москве и Вашингтону необходимо снизить уровень своих ядерных запасов ещё вполтину. На этом втором этапе все остальные ядерные государства (включая те из них, что являются таковыми лишь де-факто) соглашаются «заморозить» и впоследствии начать сокращение своих ядерных вооружений. На третьей стадии – 2019–2023 гг. – предполагается заключить формальный юридически обязательный договор о «Глобальном ноле», в который войдёт многосторонний график сокращения ядерных запасов во всём мире до минимального числа (так называемый уровень «минимального сдерживания»). На заключительном этапе (с 2024 по 2030 г.) процесс ядерного разоружения будет завершён, и в работу вступит система верификации и контроля.

Таким образом, инициатива «Глобальный ноль» демонстрирует наличие серьёзной стратегии движения к безъядерному миру, не дожидаясь того момента, когда изобретение нового, более мощного оружия превратит ядерные вооружения в артефакт, но в течение десяти ближайших лет при условии подписания договора о полном ядерном разоружении, даже если его ратификация займёт столько же времени.

9 декабря 2008 г. на сайте Программы оценок международной политики (*Program on International Policy Attitudes*) Мэрилендского университета были опубликованы результаты опроса, проведённого при поддержке инициативы «Глобальный ноль» среди населения 21 государства (всех ядерных стран, кроме Северной Кореи, и 13 неядерных стран), в совокупности составляющего 62% мирового населения [17]. Респондентов просили высказать своё отношение к возможности заключения многостороннего соглашения, которое бы обязывало «все страны, обладающие ядерным оружием, уничтожить его в соответствии с определённым графиком», в то время как «остальные страны обязались бы не разрабатывать его». Также по условиям опроса все государства наделялись бы правом контролировать выполнение условий соглашения.

По итогам опроса подавляющее большинство (от 62 до 93%) населения из принимавших участие в исследовании приветствует возможность заключения подобного соглашения. Единственным исключением стал Пакистан, где при 46% респондентов, положительно настроенных по отношению к подписанию договора об уничтожении ядерного оружия, 41% опрошенных отверг его. В среднем 76% мирового населения поддерживают идею подобного соглашения, в числе которых 50% выступают решительно «за» («против» и «решительно против» высказались соответственно 17 и 7%).

Таким образом, история движения за полное уничтожение ядерного оружия насчитывает уже более 60 лет. За это время оно приобрело значительный размах и влияние, однако стратегическая задача многостороннего окончательного ядерного разоружения достигнута не была. Одна из основных причин – отсутствие со стороны США, обладающих вторым по величине ядерным арсеналом в мире, искренней заинтересованности в достижении целей «глобального ноля».

Роль США на современном этапе инициативы «Глобальный ноль»

На фоне вышеописанных многосторонних усилий мирового сообщества, роль США в движении за мир без ядерного оружия представлялась до недавнего времени весьма скромной. Как известно, совместная инициатива Дж. Буша-ст. и М. Горбачёва по уничтожению всего ядерного оружия двух стран в течение десяти лет потерпела неудачу из-за отказа американского президента ограничить программу СОИ лабораторными испытаниями, на чём настаивал советский лидер. При этом благодаря взятым на себя односторонним обязательствам, Вашингтон и Москва решили большую часть проблемы тактических ядерных вооружений.

Администрация Клинтона предприняла ряд позитивных шагов в области ядерного нераспространения. Её основным достижением стал подписанный в 1996 г. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), который, тем не менее, отказался ратифицировать Сенат США. Кроме того, во время второго срока президентства У. Клинтона США начали проводить так называемые подкритические (*sub-critical*) испытания, которые, хотя и являются неядерными взрывными экспериментами и соответствуют условиям ДВЗЯИ, используются для проверки надёжности и эффективности существующего ядерного арсенала и даже тестирования новых образцов ядерного оружия, что рассматривается неядерными странами как недостаток приверженности идеалам ДНЯО. Одновременно администрация Клинтона проводила переговоры с российской стороной, пытаясь добиться согласия последней на продолжение испытаний американской системы ПРО с тем, чтобы не выглядеть в глазах мирового сообщества нарушителем Договора по ПРО 1972 года.

Как известно, в 2001 г. Дж. Буш-мл. предложил ускорить и расширить разработку и внедрение национальной противоракетной обороны и призвал заменить Договор по ПРО новыми «договорными рамками», которые официально разрешали создание такой системы. Не встретив понимания у руководства России, Соединённые Штаты в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО в июне 2002 года.

Невзирая на подписанный в том же году между Вашингтоном и Москвой Договор о стратегических наступательных потенциалах, период нахождения Дж. Буша у власти традиционно считается неблагоприятным для международного режима ядерного нераспространения. Отчасти потому, что на Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2005 г. США отказались

поддержать одобренную ранее программу «Тринадцать шагов», чем во многом спровоцировали провал данной конференции; отчасти потому, что прежняя администрация не скрывала своего отношения к дихотомии «ядерное разоружение – ядерное нераспространение»: «Мы должны сосредоточить свои усилия на ядерном нераспространении, особенно на нарушениях обязательств по нераспространению, и мы не должны отвлекать своё внимание от таких нарушений на вопросы ядерного разоружения, так как не существует проблем с разоружением» [3].

Событием, положившим начало современному этапу активизации многосторонних усилий по достижению целей всеобщего ядерного разоружения, принято считать появление в 2007 г. в газете «Уолл-стрит джорнэл» первого из двух открытых обращений, подписанных четырьмя влиятельными американскими политическими и общественными деятелями – Генри Киссинджером (госсекретарь США в 1973–1977 гг.), Джорджем Шульцем (госсекретарь США в 1982–1989 гг.), Уильямом Перри (министр обороны США в 1994–1997 гг.) и Сэмом Нанном (бывший сенатор США, соавтор «программы Нанна – Лугара»). В этой статье, как и в следующей годом позже, авторы призвали к «возвращению к идее мира без ядерного оружия и осуществлению практических шагов по её реализации». Они утверждали, что «если не будет амбициозной цели, практические действия не будут рассматриваться как срочные и необходимые. Если не будет практических действий, сама по себе цель не будет ни реалистичной, ни реализуемой» [19]. Такой вывод стал ключевым аргументом в пользу переосмысления многолетней мечты о мире без ядерного оружия в сторону программы конкретных шагов. В итоге, если в 1986 г. идея безъядерного мира могла породить среди политиков и обывателей лишь скептицизм, во второй половине первой декады XXI века мировое сообщество взглянуло на неё в гораздо более позитивном ключе.

Совместными усилиями генерального секретаря ООН Пан Ги Муна и президента США Барака Обамы вопрос уничтожения ядерного оружия был вынесен на принципиально новый уровень. Выступая на конференции по вопросам ядерного разоружения, организованной институтом «Восток-Запад» 24 октября 2008 г., генсек ООН объявил достижение всеобщего ядерного разоружения «мировым благом наивысшего порядка» и изложил амбициозную программу его достижения в пять этапов [9]. Помимо активного содействия принятию конвенции, запрещающей применение ядерного оружия и в дальнейшем ведущей к его полному уничтожению, Пан Ги Мун инициировал встречу глав государств, входящих в Совет Безопасности ООН – 24 сентября 2009 г. Впервые в истории саммит «Большой пятёрки» был посвящён вопросам ядерного разоружения и нераспространения, и также впервые на сессии Совета Безопасности председательствовал президент Соединённых Штатов. Это, по мнению ряда экспертов, свидетельствовало о том, что «новое направление на («глобальный». – Т.А.) «ноль», которое президент (США. – Т.А.) столь убедительно провозгласил в своей исторической речи в апреле 2009 г. в Праге, должно быть понято как процесс, а не просто последовательность событий» [8, р. 85].

5 апреля 2009 г., выступая с речью в Праге, Барак Обама подтвердил «приверженность Америки стремиться к спокойствию и безопасности в мире без ядерного оружия» [18]. Основными положениями речи, которую считают программной для внешнеполитических усилий действующей администрации, стали необходимость заключения многостороннего соглашения о запрещении производства расщепляющихся материалов (дискуссии о котором ведутся с 1957 г.), поиск новых подходов к мирному использованию атомной энергии с учётом задач борьбы с ядерным терроризмом, предложение о проведении саммита по ядерной безопасности под председательством американского президента. Б. Обама также выразил решимость добиваться ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний Конгрессом США, что в корне отличается от политики его предшественника.

В июле 2009 г. Барак Обама и Дмитрий Медведев подписали Меморандум о взаимопонимании, взяв на себя обязательство сократить арсеналы США и России до уровня в 500–1100 стратегических ядерных носителей и 1500–1675 развёрнутых ядерных боезарядов. Новый договор по СНВ (Пражский договор), подписанный 8 апреля 2010 г., предусматривает, что через семь лет после вступления его в силу в распоряжении каждой из сторон останется по 1550 ядерных боезарядов на 700 развёрнутых и 800 развёрнутых и неразвёрнутых стратегических носителях. Снижение до этого уровня вовсе не является радикальным или прорывным – как Россия, так и Соединённые Штаты и без того двигались в заданном направлении. Важность заключения нового договора по СНВ необходимо рассматривать в более широком контексте определяемого им курса на дальнейшие сокращения ядерных вооружений как предварительного шага на пути к «глобальному нолю» на фоне подъёма международного интереса к этой теме и накануне саммита по ядерной безопасности в Вашингтоне и Десятой обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО.

Саммит по ядерной безопасности, прошедший в столице США в апреле 2010 г., достиг определённых успехов в области сокращения рисков ядерного хищения, аварий ядерных реакторов и ядерного терроризма. Так, Мексика согласилась перевести свой исследовательский реактор с высокообогащённого уранового топлива (которое можно использовать для производства атомных бомб) на низкообогащённый уран (который нельзя применять в военных целях); Украина пообещала уничтожить все свои запасы высокообогащённого урана в течение двух лет; а США и Россия подтвердили намерение избавиться от излишних запасов оружейного плутония.

Выступая в Праге, Б. Обама также пообещал, что Соединённые Штаты будут «уменьшать роль ядерного оружия» в Стратегии национальной безопасности, чтобы в конечном счёте «положить конец стилю мышления времён “холодной войны”» [18]. В этой связи основной документ американской администрации по вопросу ядерных вооружений, их применения и средств доставки – Обзор ядерной политики (*Nuclear Posture Review*) ожидали с нетерпением. «Ядерный обзор 2010 г.» стал первым таким документом с момента окончания «холодной войны», текст которого теперь доступен широкой публике, и также впервые достижение «глобального ноля» – и, следовательно, ядерное разору-

жение – как цель военной политики США – было продекларировано в программном документе.

В фокусе «Ядерного обзора 2010 г.» также находятся задачи ядерного нераспространения и предотвращение актов ядерного терроризма. Что же касается надежд мировой общественности на значительное снижение роли ядерного оружия в стратегическом планировании Вашингтона, то документ не вполне оправдывает ожидания, оставляя открытыми возможности по использованию ядерных вооружений не только в ядерном конфликте, но и «в условиях чрезвычайных обстоятельств для защиты жизненно важных интересов Соединённых Штатов или их союзников и партнёров» [14, р. 16]. Таким образом, фактическое сокращение миссии ядерного оружия США остаётся довольно скромным. Согласно «Ядерному обзору 2010 г.», американские стратегические наступательные силы сохраняют структуру времён «холодной войны» с развёрнутыми ядерными вооружениями на триаде средств доставки, и кроме того, «нынешняя степень боевой готовности стратегических сил США – при которой тяжёлые бомбардировщики не находятся на постоянном боевом дежурстве, почти все МБР несут боевое дежурство и в любое время значительное количество БРПЛ находится в море – в настоящее время будет сохранена» [14, р. 25].

«Ядерный обзор 2010 г.» также обязывает Соединённые Штаты модернизировать инфраструктуру ядерных вооружений, поддерживать научную, технологическую и техническую базы, инвестировать в человеческий капитал для того, чтобы гарантировать надёжность существующего арсенала. Хотя и было заявлено, что США не будут создавать новые виды ядерного оружия, замена компонентов по-прежнему остаётся открытой возможностью.

Таким образом, Б. Обама стал первым американским президентом, который официально поставил проблему ядерного разоружения в центр внешней и оборонной политики Вашингтона. Все вышеперечисленные действия, также как и запрос администрации на увеличение на 25% финансирования мероприятий в сфере глобального ядерного нераспространения (предполагаемые 2,7 млрд. долл. на 2011 фин. г. [5, р. 63]) вне всякого сомнения, целесообразны.

Однако стоит ли ожидать в ближайшем будущем новых крупных инициатив со стороны нынешней администрации по продвижению целей «глобального ноля» – это большой вопрос. Так, политика Б. Обамы по отношению к конфликтам в Ираке и Афганистане оказалась гораздо более прагматичной и учитывающей советы военных (которые, кстати, в большинстве своём не являются энтузиастами ядерного разоружения), чем того можно было ожидать на основании его предвыборной кампании. К тому же многие другие вопросы, начиная с нормализации экономической ситуации в стране, требуют внимания президента и финансирования из государственного бюджета.

Помимо возможных затруднений, которые берут начало в обстоятельствах внутренней политики США, на пути успешной реализации инициативы «Глобальный ноль» стоят гораздо более глубокие и труднопреодолимые проблемы уровня межгосударственных отношений и глобальной политики.

Перспективы многостороннего полного ядерного разоружения

Существует ряд проблем и ограничений, которые накладывает на реализацию задач инициативы «Глобальный ноль» современное состояние международных отношений и интересы национальной безопасности отдельных стран.

Во-первых, налицо превосходство США над любым из существующих государств в сфере конвенциональных вооружённых сил, что особенно важно в отношении России и Китая.

Действующая Военная доктрина Российской Федерации придаёт ядерному сдерживанию более важное значение, чем аналогичный американский документ, в том числе и потому, что Соединённые Штаты обладают сегодня огромным преимуществом по силам общего назначения и являются единственной страной, которая производит высокоточное конвенциональное оружие большой дальности. Поэтому ядерное оружие, особенно нестратегическое воздушного и морского базирования, играет в обеспечении национальной безопасности России важную роль, которая, как представляется, будет только возрастать в будущем. В то время как в США, напротив, ядерная «триада», включающая в себя как ядерные, так и высокотехнологичные конвенциональные элементы; предложения по использованию межконтинентальных баллистических ракет в обычном оснащении; и концепция «Быстрого глобального удара» (*Prompt Global Strike*) в целом – всё это заставляет полагать, что высокоточные конвенциональные вооружения готовятся принять на себя ряд задач, которые ранее принадлежали исключительно ядерной сфере.

Всё больше американских экспертов и политических деятелей сходятся на том, что Соединённые Штаты могут с уверенностью положиться на свои конвенциональные возможности для противостояния вызовам и угрозам национальной безопасности, в том числе и таким, как заявленные в «Ядерном обзоре 2010 г.». Майкл Герсон, известный специалист в области теории ядерного сдерживания и контроля над вооружениями, употребляет термин «нуклеаризация» (*nuclearization*) конвенциональной военной мощи США для того, чтобы адекватно описать изменения её роли и задач в военно-политическом планировании Вашингтона [7, р. 33]. Причиной такой трансформации, на наш взгляд, служит то, что в современных условиях, высокоточные обычные вооружения более пригодны для того, чтобы играть роль надёжного инструмента сдерживания: в отличие от «ядерного табу» не существует политико-моральных ограничений на применение такого оружия против любого агрессора в ходе какого бы то ни было конфликта.

Всё это может оказать значительное негативное влияние на судьбу не только переговоров по реализации инициативы «Глобальный ноль», но и двух-, а также многосторонних переговоров о контроле над вооружениями, так как требования дальнейших сокращений ядерного арсенала только усилят ощущение собственной уязвимости со стороны Москвы, а в перспективе и Пекина, которых одностороннее активное развитие американских высокоточных конвенциональных боевых систем ставит однозначно в невыгодное положение.

Действительно дестабилизирующим фактором является то, что США при помощи такого оружия способны уничтожить стратегические цели своих оппонентов без формального развязывания ядерного конфликта. Поэтому в мае 2009 г. премьер-министр В.В. Путин заявил, что планы Вашингтона по размещению элементов ПРО в Европе должны быть увязаны с вопросом сокращения стратегических вооружений [1]. Позже, российская сторона настояла на включении положения об американской ПРО в текст нового Договора по СНВ, которое, вероятнее всего, будет по-разному интерпретировано каждой из сторон при ратификации документа.

Во-вторых, любая инициатива по глобальному ядерному разоружению неизбежно столкнётся с необходимостью разрешения конфликтов между её участниками, хотя бы для того, чтобы усадить их за стол переговоров. Ядерное оружие является опасным современным дополнением к исторической вражде и взаимному недоверию, которыми питаются региональные разногласия. Официальные и де-факто ядерные страны не смогут начать совместное движение к миру, свободному от ядерного оружия, если такие конфликты, как борьба за Кашмир или палестинские территории, не будут разрешены к обоюдному удовлетворению сторон или по крайней мере не сведены до уровня, не допускающего начала ядерной конфронтации.

В основе подобных конфликтов лежат нерешённые вопросы территориального суверенитета, объявленные внутренним делом теми из участников, которые рассматривают статус-кво как благоприятный исход конфликта. С другой стороны, решение этих вопросов абсолютно необходимо для обретения мира и стабильности – неперемennого условия ядерного разоружения. Три ключевые в этом отношении «горячие точки» – это Ближний Восток, Южная Азия и Северо-Восточная Азия.

Как известно, один из основных очагов нестабильности находится на Ближнем Востоке и связан с проблемой спорных палестинских земель, которая затрагивает арабские страны. Этот регион служит хорошей иллюстрацией «дилеммы безопасности» в действии, так как Израиль, окружённый враждебными государствами, ощущает экзистенциальную угрозу и не склонен отказываться от ядерного арсенала, как того требуют его арабские соседи в качестве меры по укреплению доверия и транспарентности в регионе. Отказ Израиля является одним из основных препятствий к началу переговоров об объявлении Ближнего Востока зоной, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Ядерные амбиции Ирана добавили региональному комплексу проблем новое измерение: непрозрачность конечных целей ядерной программы Тегерана только усиливает беспокойство соседних арабских государств и подталкивает их скорее в направлении присоединения к ядерной гонке, нежели к цели полного ядерного разоружения.

Давняя нерешённая проблема Кашмира между Индией и Пакистаном – соседними державами, обладающими ядерным оружием, превращает этот регион в ещё одну потенциальную ядерную «горячую точку». История двух государств уже насчитывает три вооружённых конфликта, по результатам которых чей-либо суверенитет над спорной территорией так и не был подтверждён. Нестабильная и неопределённая обстановка в сфере безопасности в ре-

гионе даёт мало поводов для оптимизма, несмотря на то, что обе страны начиная с 2004 г. предпринимают значительные усилия в рамках мер по укреплению доверия.

Задачей индийского ядерного арсенала является предотвратить развитие событий в пользу Пакистана, который заявляет, что ядерное оружие служит для него средством компенсировать значительное доминирование Индии по силам общего назначения, что является основной проблемой в сфере обеспечения национальной безопасности Исламабада, учитывая географические особенности территории страны и традиционные напряжённые отношения между соседями. Даже если все проблемные моменты в отношениях двух государств разрешатся в пользу Пакистана и Индия решится на ядерное разоружение, от Нью-Дели потребуется предоставить Исламабаду удовлетворительные гарантии безопасности для того, чтобы в условиях асимметрии в сфере конвенциональных вооружений побудить последний отказаться от своего ядерного арсенала. Похожие гарантии безопасности потребуются и самой Индии со стороны Китая.

Третий регион потенциально угрожающий перспективе достижения «глобального ядерного ноля» – Корейский полуостров и Северо-Восточная Азия в целом. КНДР в 2003 г. вышла из ДНЯО и провела с тех пор два ядерных и многочисленные ракетные испытания, что не может не беспокоить её непосредственных соседей – Южную Корею и Японию. На обе эти страны распространяются позитивные ядерные гарантии Соединённых Штатов. И Южная Корея, и Япония (впрочем, также как и Тайвань, статус которого является ещё одной проблемой региона) обладают индустриальной базой и технологическими знаниями, достаточными для создания собственного ядерного оружия в относительно короткий срок. В это и без того непростое уравнение необходимо включить Китай, чья экономическая и военная мощь беспокоит Японию. Любая дискуссия о всеобщем ядерном разоружении, очевидно, поставит под сомнение доверие к расширенному ядерному сдерживанию, обеспечиваемому США и может, в свою очередь, спровоцировать ядерную гонку в регионе. Особенно опасна в этом отношении Северная Корея – бедное государство с закрытым режимом правления и историей создания собственного ядерного оружия. Резолюции Совета Безопасности ООН и международные усилия решить проблему переговорным путём до сих пор не привели к устойчивому результату. В настоящий же момент, когда внимание мировой общественности направлено на иранскую ядерную программу, дело возвращения КНДР в ряды подписантов ДНЯО вообще отложено в долгий ящик.

Между динамикой развития региональных отношений, общемировым порядком и перспективами продвижения к цели уничтожения ядерного оружия существует значительная взаимосвязь. По мнению экспертов Дж. Перковича и Дж. Эктона, связующим звеном здесь выступают Соединённые Штаты [16, р. 29–30]. Они уже присутствуют прямо или косвенно в каждом из вышеперечисленных уравнений региональной безопасности и будут играть ещё большую роль в изменении баланса рисков и угроз, совершить которое будет необходимо для того, чтобы убедить региональных акторов присоединиться к «ядерной пятёрке» в деле всеобщего ядерного разоружения. Вашингтон должен компенсировать в стратегических расчётах Токио наращивание мощи Пе-

кином. Россия заинтересована в получении некоторых гарантий перед лицом превосходства США в силах общего назначения и космической сфере, которые Белый дом вряд ли согласится дать с лёгкостью. На Ближнем Востоке военное могущество Соединённых Штатов по меньшей мере отчасти влияет на политику Ирана, Сирии и прочих стран, ключевых для национальной безопасности Израиля. Вашингтон также предоставляет военные гарантии в конвенциональной сфере Египту, Иордании и странам Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. В Южной Азии стратегическое партнёрство между США и Индией, фундаментом которого является Соглашение о сотрудничестве в сфере гражданской ядерной энергетики 2008 г., но которое также включает совместные проекты по ПРО и конвенциональным вооружениям, даёт повод для беспокойства как Пакистану, так и Китаю.

В-третьих, современная тенденция возрождения интереса к гражданской ядерной энергетике в различных странах мира, получившая название «ядерного ренессанса», несмотря на свой мирный характер в состоянии создать ряд проблем для глобального ядерного разоружения. Освоение технологии ядерного топливного цикла открывает потенциальную возможность накопления расщепляющихся материалов оружейного качества в количестве достаточном для начала военной программы. Неудивительно, что такая перспектива только усиливает взаимное недоверие и подозрительность между государствами в проблемных регионах.

По данным Всемирной ядерной ассоциации, 30 новых стран уже выразили своё намерение развивать мирные ядерные энергетические программы для того, чтобы снизить количество вредных выбросов в атмосферу и компенсировать рост цен на углеводороды на мировом рынке. В данный момент 40 ядерных реакторов находятся на этапе возведения, более 130 запланировано построить к 2030 г., и ещё более 200 – в последующий период [13]. Это, в свою очередь, вызывает опасения, что горизонтальное распространение материалов и ноу-хау ядерного цикла повысит риск попадания чувствительных ядерных технологий в ненадёжные руки.

Существуют три основных фактора, определяющие риск ядерного распространения в связи с мировым «ядерным ренессансом». *Первый* – будут ли новые ядерные реакторы возводиться в государствах с уже существующими ядерными программами или в странах-новичках. В этом отношении пока особенно беспокоиться не о чем: лишь 5% от вышеупомянутых запланированных реакторов планируются к строительству в странах второй категории. *Второй* фактор – геостратегический контекст. Сегодня страны, впервые приступающие к разработкам в области ядерной энергетики, сосредоточены в зонах различного уровня политической нестабильности – Африке, Ближнем Востоке, Юго-Восточной Азии. Оправданное беспокойство вызывает ближневосточный регион, особенно с учётом ядерных амбиций Ирана и их дестабилизирующего влияния на соседние страны. Наконец, *третий* фактор – природа используемых ядерных технологий. Предметом главной озабоченности в этом отношении является распространение чувствительных ядерных технологий, включающих обогащение и переработку расщепляющихся материалов. Передача таких технологий значительно повышает риск ядерного распространения из-за возмож-

ности попадания в чужие руки расщепляющихся материалов, в случае, если ядерные объекты не охраняются соответствующим образом. Хотя некоторые страны (Бахрейн, Вьетнам, Индонезия и ОАЭ) обязались не использовать чувствительные ядерные технологии, другие (Иордания) таких обещаний не давали. Ситуация осложняется ещё и тем, что страны-новички решительно отвергают идею ограничительных обязательств, которые могут стать юридическим препятствием на пути к обладанию технологиями по переработке и обогащению расщепляющихся материалов в будущем. Они полагают, что такие обязательства лишь усугубят уже существующее неравенство между ядерными и неядерными странами. В свою очередь этот отказ от самоограничения подрывает доверие прочих участников международных отношений к режиму ядерного нераспространения, в том числе и стран, обладающих ядерным оружием, что мало способствует достижению целей всеобщего ядерного разоружения.

В-четвёртых, существуют проблемы, с которыми инициативе «Глобальный ноль» придётся столкнуться на завершающем этапе, но отсутствие решения которых уже сегодня может значительно замедлить её претворение в жизнь. Так, без надёжных механизмов верификации трудно представить себе, что ядерные государства согласятся на разоружение. Меры верификации – процесс поэтапный, помогающий укрепить доверие между партнёрами и тем самым укрепляющий политическую решимость продвигаться далее по пути уничтожения ядерных арсеналов. И наоборот, слабый верификационный механизм порождает сомнения и укрепляет нежелание сторон идти на риск. Представляется, что подход к этому вопросу ядерных и неядерных стран будет различаться: если последние, возможно, и не станут требовать сверхстрогой системы проверок, первые не удовлетворятся ничем, кроме максимально близкого к идеальному режима, так как для них речь идёт об отказе от одного из основных элементов обеспечения национальной безопасности.

Технически верификационная процедура – сложный, длительный и дорогостоящий процесс, требующий инженерных решений, которые в настоящее время недоступны. Контроль за демонтажем боеголовок, средств их доставки и объектов производственной цепочки представляет собой серьёзный вызов в техническом плане особенно в обстановке нехватки транспарентности и доверия. Согласование архитектуры верификационных мер станет центральным элементом любых переговоров по контролю над вооружениями и ядерному разоружению.

Другой проблемой станет вопрос организации системы принуждения и наказания – ведь даже в условиях создания идеального верификационного режима невозможно исключить вероятность того, что некоторые из её участников попытаются обойти ограничения. Одной из сложностей такой системы может стать её субъективность, принимая во внимание, что уже сегодня существуют многочисленные несовпадающие трактовки того, что же следует считать нарушением режима ядерного нераспространения. Американский учёный Брюс Ларкин выделяет по крайней мере шесть потенциальных видов источников разногласий (которые в свою очередь подразделяются на более конкретные подвиды): от несогласия по поводу факта совершения/намерения совер-

шить нарушение до использования определённых инструментов принуждения в интересах отдельных стран [11, р. 99].

Наконец, даже в ситуации полного уничтожения всех ядерных арсеналов не стоит сбрасывать со счетов за ненужностью концепцию возвратного потенциала. Бывшие ядерные государства, наверняка, захотят сохранить на некоторое время – по крайней мере, на весь переходный период к «глобальному нолю» – опытные знания и технологии по производству ядерного оружия, чтобы в случае чрезвычайной угрозы национальной безопасности иметь возможность использовать прежние наработки. Решение проблемы сохранения возвратного потенциала в виде человеческих ресурсов и знаний составит неотъемлемую часть архитектуры постядерного режима, обсуждавшуюся выше. Причём решение это должно носить комплексный характер, иначе даже одна страна, имеющая сколько-нибудь заметное преимущество, с большой вероятностью спровоцирует новую гонку, уже не за количеством ядерных боеголовок, а за тем, как быстро государство сможет восстановить свой ядерный потенциал.

Таким образом, существует ряд как субъективных (соображения национальной безопасности и отсутствие отношений доверия среди международных акторов), так и объективных (в основном технического и юридического плана) препятствий на пути претворения в жизнь целей «глобального ноля».

* * *

Анализ заявленных Б. Обамой целей продвижения идеи «глобального ноля» и практических действий нынешней администрации США позволяет сделать вывод о том, что впервые в истории делу уничтожения ядерного оружия придаётся столь серьёзное внимание на самом высоком уровне. В то же время исследование современных тенденций в области ядерного разоружения и нераспространения свидетельствует о том, что геополитические условия, которые бы позволили довести до конца программу полного ядерного разоружения, ещё не сформировались. Несмотря на последнее обстоятельство, концепция «глобального ноля» имеет определённую практическую ценность и в наши дни, способствуя – при моральной поддержке мировой общественности и политическом давлении ведущих мировых лидеров, включая американского президента, – принятию более решительных шагов в направлении уменьшения угрозы ядерного распространения и применения ядерного оружия.

Список литературы

1. Интервью Владимира Путина японским СМИ. Вести (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=283798>).
2. *Bhutto B.* Social Development and Women's Empowerment. Address to Council of Indian Industry. Pakistan People's Party (<http://www.ppp.org.pk/mbb/speeches/speeche41.html>).
3. *Bolton J.* The NPT: A Crisis of Non-Compliance. Statement to the 3rd Session of Preparatory Committee for the 2005 Review Conference of the NPT. U.S. Department of State (<http://www.state.gov/t/us/rm/31848.htm>).
4. *Butler L.* National Press Club Remarks. The Nuclear Weapon Archive (<http://nuclearweaponarchive.org/News/Butlpress.txt>).

5. Department of Energy. FY 2011 Congressional Budget Request. U.S. Department of Energy
(<http://www.cfo.doe.gov/budget/11budget/Content/FY2011Highlights.pdf>).
6. *Gandhi R.* A World Free of Nuclear Weapons. Proposal Presented at the U.N. General Assembly, Third Special Session on Disarmament. New York. June 9, 1988. In *India and Disarmament: An Anthology of Selected Writings and Speeches*. New Delhi: Ministry of External Affairs, 1988. P. 28–94.
7. *Gerson M.* Conventional Deterrence in the Second Nuclear Age // *Parameters*. Vol. 39. No. 3 (2009). P. 32–48.
8. *Granoff J.* The Process of Zero // *World Policy Journal*. Winter 2009/10, Vol. 26. No. 4. P. 85–93.
9. *Ki-moon B.* The United Nations and Security in a Nuclear-Weapon-Free World. Address to the East-West Institute. The United Nations
(http://www.un.org/apps/news/infocus/sgspeeches/search_full.asp?statID=351).
10. *Krieger D.* Ronald Reagan: A Nuclear Abolitionist. Nuclear Age Peace Foundation
(http://www.wagingpeace.org/articles/2008/01/13_krieger_reagan_abolitionist.php?krieger).
11. *Larkin B.* Designing Denuclearization: An Interpretative Encyclopedia. New Brunswick: Transaction, 2008. 448 p.
12. *Mason J.* The Cold War, 1945–1991. New York: Routledge, 1996. 104 p.
13. Nuclear Century Outlook. World Nuclear Association
(http://www.world-nuclear.org/outlook/clean_energy_need.html).
14. Nuclear Posture Review, 2010. U.S. Department of Defense
(<http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf>).
15. Out of the Nuclear Shadow / Ed. by S. Kothari and Z. Mian. London: Zed Books, 2001. 525 p.
16. *Perkovich G., Acton J.* Abolishing Nuclear Weapons. London: IISS, 2008. 138 p.
17. Publics around the World Favor International Agreement to Eliminate All Nuclear Weapons. World Public Opinion .Org
(http://www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/international_security_bt/577.php?lb=btis&pnt=577&nid=&id=).
18. Remarks by President Barack Obama. Hrad•any Square. Prague, Czech Republic. The White House (http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Barack-Obama-In-Prague-As-Delivered/).
19. *Shultz G. et al.* A World Free of Nuclear Weapons // *The Wall Street Journal*. 01.04.2007. A15.
20. The Russell-Einstein Manifesto. Pugwash Conferences on Science and World Affairs (<http://www.pugwash.org/about/manifesto.htm>).
21. *Zemin J.* Speech at the Conference on Disarmament. Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN
(<http://www.china-un.org/eng/lhghyywj/smhwj/wangnian/fy00/t29023.htm>).